

«Должно быть, читатель этих строк думает временами, что на меня и моего спутника наложено проклятье. Без каких-либо усилий с нашей стороны и без особого желания с моей мы постоянно сталкиваемся с разными почитателями Тьмы. Я и сам иногда думаю, что мы не случайно вмешиваемся в их планы, иногда даже не понимая, почему. Но подобные мысли никогда не беспокоили Победителя троллей. Он воспринимал все происходящее с ним со вздохом и покорным пожиманием плеч, и называл все рассуждения на эти темы пустой и бессмысленной философией. Но я очень много и долго размышлял над этим, и мне кажется, что если в этом мире есть сила, которая противостоит слугам Хаоса, то именно она направляла наши стопы и даже оберегала нас. Разумеется, мы часто оказывались в центре самых страшных и жестоких событий, которые служат целям самых отвратительных злодеев...»

Из книги «Мои путешествия с Готреком», том II, написано г-ном Феликсом Ягером (Альтдорф Пресс, 2505)

Услышав хруст ветки под ногой, Феликс Ягер мгновенно замер и прислушался. Его руки невольно потянулись к мечу, пока острые глаза обшаривали окрестности, но ничего не нашли. Это было совершенно бессмысленно, понимал Феликс, свет угасающего солнца с трудом принимал сквозь густую крону деревьев, и темень в лесу могла скрыть даже маленькую армию. Он поморщился и провел пальцами по белокурой шевелюре. Все, о чем предупреждал их торговец, вдруг вспомнилось ему.

Старик говорил, что по дороге ходят мутанты – очень много мутантов, которые нападают на всех путников между Налном и Фридрихсбургом. Тогда Феликс не обратил должного внимания на эти слова, поскольку корабейник пытался продать ему сомнительный оберег, который якобы благословил сам Великий Теогонист, прекрасная защита для путников и паломников, по словам торговца. Он уже купил у него маленький метательный ножик, который тайно крепился на запястье, и не желал больше тратить деньги. Феликс пощупал руку, чтобы удостовериться, что ножик действительно незаметен.

Теперь он не отказался бы от этого оберега. Тот, конечно, мог оказаться липой, но в это темное время суток на мрачных дорогах Империи кто угодно хотел бы иметь дополнительную защиту.

– Поторопись, человеческий отпрыск, – сказал Готрек Гурнисон. – В Блатдорфе есть гостиница, а мое горло пересохло, как пустыня.

Феликс согласился со своим спутником. Сколько бы раз он ни глядел на Готрека, его странная и даже уродливая внешность не переставала его удивлять. Но не каждая черта в отдельности производит такое впечатление, решил Феликс. Не отсутствие зубов и не единственный уцелевший глаз или окладистая борода, в которой засохли остатки пищи. И не распухшие уши, и не жуткий узор старых шрамов. И даже не зловоние. Нет, только все это вместе делало внешность гнома столь незабываемой.

Но в то же время нельзя было не признать, что внешность Готрека была весьма внушительной. И, хотя гном в высоту едва доходил до груди Феликса (причем это считая высокий рыжий хохол на бритом и покрытом татуировками черепе), в плечах он был шире кузнеца. В одном мощном кулаке он держал покрытую рунами секиру, которую обычный человек с трудом бы поднял двумя руками. А когда он скидывал голову, то позвякивала золотая цепочка, соединяющая его нос и ухо.

– По-моему, я что-то слышу, – пробормотал Феликс.

– Эти леса полны звуков, человеческий отпрыск. Щебет птиц. Скрип деревьев, голоса зверей. –

Готрек сплюнул огромный комок слизи на дорогу. – Ненавижу леса. И всегда ненавидел; Они напоминают мне эльфов.

– По-моему, я слышу мутантов, о которых говорил коробейник...

– И что? – Гном обнажил оставшиеся почерневшие зубы в оскале, означавшем улыбку, потом приподнял повязку на глазу и принялся чесать пустую глазницу, на которой зиял страшный шрам.

Послышалось какое-то шуршание. Феликс обернулся.

– Да, – прошептал он. Готрек тоже повернулся к лесу.

– Эй, мутанты! – крикнул он. – Выходите и отведайте моей секиры!

Феликс вздохнул. Победитель троллей всегда так испытывал судьбу. Он поклялся умереть в бою со страшными тварями, искупая какой-то чудовищный для гнома грех, и не упускал ни одной возможности торжественно завершить свой путь. Феликс уже в который раз проклинал ту хмельную ночь в таверне, когда он поклялся последовать за Победителем троллей и описать его странствия в поэме.

Словно в ответ на угрозы Готрека, что-то вновь зашумело – будто сильный ветер раскачивал кустарник, но только ветра-то не было. Феликс передвинул на всякий случай руку поближе к рукоятке меча. В лесу определенно что-то было, и оно приближалось.

– Да, похоже, ты был прав, человеческий отпрыск, – признался гном. Но Феликсу показалось, что Готрек тоже знал об этом.

Толпа мутантов выскочила словно из-под земли, они изрыгали ругательства и проклятья. Цепенящий ужас при виде этих уродов пробрал Феликса до костей. Он увидел увертливую, тощую, словно обтянутый кожей скелет, тварь, которая скакала через кусты, как жаба. За ней ползла отвратительная женщина на восьми паучьих ногах. Существо с головой вороны и сероватым пухом вопило, призывая к бою. Некоторые мутанты имели прозрачную кожу, сквозь которую были видны дергающиеся внутренности. Выродки были вооружены копьями, ножами и даже ржавой кухонной утварью. Один из мутантов подскочил к Феликсу и замахнулся на него огромным, остро заточенным секачом мясника.

Феликс увернулся и ударил урода по руке прежде, чем лезвие ножа прорвало бы его кожу. Он схватил руку чудовища и, вывернув ее, ударил его же собственным секачом в голову. Зеленая жидкость полилась на ботинки Феликса, и тварь покатилась по земле.

Воспользовавшись небольшой передышкой, Феликс выхватил меч из ножен – тот, казалось, сам прыгнул ему в руку, готовый к схватке.

Огромная секира Готрека уже расчистила себе кровавую дорогу в гуще врагов. Одним взмахом гном убивал троих или даже больше. Кости трещали от его ударов, а плоть расплзалась под острым, как бритва, лезвием. И вновь взлетела секира Победителя троллей, и вновь очередная отвратительная туша развалилась на две части. А секира быстро и без предупреждения снесла голову другому мутанту.

Испуганные неожиданным сопротивлением, мутанты побежали. Некоторые из них пронеслись мимо Феликса и укрылись в чаще, а остальные развернулись и скрылись под землей, откуда и вылезли.

Феликс вопросительно посмотрел на Готрека, ожидая, что же тот будет делать теперь. Меньше всего молодому человеку хотелось сейчас разделяться и бегать за мутантами по лесу. Победа оказалась слишком легкой. Это могла быть ловушка.

- Пусть эти гнилые коротышки валяются здесь, - сказал Готрек, плюнув на тела мутантов. Феликс поглядел на них и согласился со своим другом: действительно, все нападавшие на них едва достигали груди Победителя троллей, и ни один из них не был выше его ростом.

- Пошли отсюда, - сказал Феликс. - Вонь отвратительная.

- Они даже смерти недостойны, - пробурчал Готрек. Он был очень разочарован.

"Висельник" был одной из самых унылых гостиниц, в которых когда-либо бывал Феликс. Слабый невеселый огонек едва полыхал в камине. В комнатах пахло сыростью. Множество собак грызло кости, которые, казалось, уже несколько поколений пролежали на их соломенных подстилках. Хозяин был с виду сущей деревенщиной, его лицо украшали застарелые шрамы, а вместо правой руки был массивный железный крюк. Прислуживающий за стойкой мальчик был горбуном с бельмом на глазу и имел дурную привычку пускать слюни в кружку, в которую наливал пиво. Местные жители были очень недружелюбны. Чуть ли не каждый из тех, кто посмотрел на Феликса, сделал это так, словно бы собирался воткнуть ему нож в спину, но не совершил это просто из-за лени.

Впрочем, Феликс признал, что гостиница вполне соответствует той деревне, в которой располагается. Блатдорф был самым унылым местом на их долгом пути. Грязные хибарки, казалось, вот-вот развалятся, улицы были пусты и неряшливы. Когда они наконец-то уговорили (хоть и не без помощи угроз) пьяного стражника у ворот впустить их, с каждого крыльца на них смотрели заплаканные старухи. Казалось, что вся деревня погружена в печальный сон.

Даже замок, возвышавшийся над ней, был неопрятен и нуждался в ремонте. Его стены почти обвалились и выглядели словно после нашествия сопливых дикарей с заточенными палками - что было достаточно странно для города, который был окружен мутантами. "Впрочем, - подумал Феликс, - даже мутанты в этих краях походили на обыкновенных разбойников, нападавших на прохожих, но бегущих после первых же признаков сопротивления".

Он заказал еще кружку эля. Это было самое отвратительное пиво, которое он когда-либо пробовал, - его начинало тошнить, как только оно касалось его губ. Готрек откинул назад голову и одним залпом осушил свою кружку. Пиво исчезло так же быстро, как золотая монетка, замеченная попрошайкой на улице.

- Еще кружку "старой собачьей рвоты"! - весело крикнул Готрек и поглядел на местных посетителей. - И не оглушите меня звуками своего восторга! - прокричал он.

Посетители не желали встречаться с ним глазами. Они уставились в свои кружки, словно могли бы обнаружить там философский камень, хорошенько приглядевшись.

- Чего такие счастливые лица? - насмешливо поинтересовался Готрек. Хозяин принес ему очередную кружку пива. Готрек заказал еще. Феликс с удовольствием отметил, что даже Победитель троллей скривился, закончив пить. Это было совершенно необычным для гнома - раньше Феликс никогда не замечал, чтобы Готрек испытывал хоть какое-то недовольство или сомнения, перед тем как выпить пиво.

- Это все маг, - ответил хозяин. - Это его рук дело. Все было совсем иначе до того, как он поселился в старом замке. И с тех пор у нас постоянно неприятности. С мутантами на дорогах

и вообще. Торговля заглохла. Никто к нам не ходит. Жители не могут спать спокойно по ночам.

Готрек тут же вскинул голову. На его лице появилась улыбка, демонстрировавшая остатки зубов. Ему это определенно по душе, решил Феликс.

- Волшебник, говоришь?

- Ах да, сударь, злой чародей.

Феликс заметил, что посетители как-то странно смотрят на хозяина, словно бы он сказал то, о чем нельзя было поминать или же чего от него никак не ожидали услышать. Феликс отогнал от себя эти мысли. Может быть, они просто испугались. Да и кто бы не боялся, имея он в собственной деревне слугу темных сил Хаоса?

- Страшен, как дракон с зубной болью. Так я говорю Хельмут?

Но крестьянин, к которому он обратился за подтверждением, застыл, словно крыса, замороженная змеей.

- Так я говорю, Хельмут? - повторил хозяин.

- Ну, он не такой уж и плохой, - ответил наконец крестьянин. - Для злого чародея, конечно.

- А почему вы не нападете на замок? - спросил Готрек. Феликс подумал, что если гном сам не мог ответить на этот вопрос, просто посмотрев вокруг, то он еще глупее, чем кажется.

- Там чудовище, сударь, - сказал крестьянин, шаркнув ногой и вновь поставив ее на ковер.

- Чудовище? - переспросил Готрек, и в его глазу засверкало нечто большее, чем простое любопытство.

- Огромное, сударь. Гораздо выше человека и изуродовано гадкой мут... мут... мут...

- Мутацией? - помог Феликс.

- Во-во, сударь, чем-то этаким.

- А почему вы не пошлете в Налн за подмогой? - спросил Феликс. - Храмовники - Белые Волки очень интересуются подобными пособниками Хаоса.

Крестьянин непонимающе посмотрел на него.

- Кто же его знает, что такое Налн, сударь. Никто из нас не был дальше нескольких верст от Блатдорфа. Кто позаботится о наших женах, если мы уйдем?

- Да еще мутанты, - вступил в разговор другой крестьянин. - Леса полны ими, и все служат чародею.

- И мутанты тоже? - почти радостно спросил Готрек. - Думаю, нам стоит прогуляться в замок, человеческий отпрыск.

- Чего я и боялся, - вздохнул Феликс.

- Но вы же не собираетесь нападать на чародея и его чудовище? - сказал один из поселенцев.

- С вашей помощью мы скоро очистим Блатдорф от этой нечисти, - как можно быстрее сказал Феликс, игнорируя свирепый взгляд гнома. Победитель троллей не хотел никого больше привлекать к делу своей славной кончины.

- Нет, сударь, мы не сможем помочь вам.

- Почему? Боятесь? - это был глупый вопрос, но Феликс все же решил его задать. Он не обвинял селян. При других обстоятельствах он бы сам не пожелал вступить в схватку с чародеем Хаоса и его ручным чудищем.

- Нет, сударь, - ответил крестьянин. - Просто он забрал наших детей и держит их там в заложниках.

- Ваших детей?!

- Да, всех до единого. Он и его чудовище спустились к нам и отобрали всех детей. Мы не могли сопротивляться. Когда Большой Норри попробовал ему воспротивиться, это чудище оторвало ему руки и принялось жрать их. Это было очень страшно.

Ох, как не понравился Феликсу яростный огонек, который засверкал в единственном глазу Готрека. Горячее желание Победителя троллей пойти в замок и сразиться с его обитателями росло, как пожар. Феликс не был столь уверен в своей готовности принять бой. Он, казалось, разделял нежелание крестьян даже смотреть в том направлении.

- Разве вы не хотите освободить детей? - воскликнул он.

- Освободить, но не прикончить их. Чародей скормит их своему чудищу, как только мы дадим к этому повод.

Феликс поглядел на Готрека. Тот многозначительно указал пальцем на замок. Феликс понял: ему придется пойти туда, по доброй воле или нет. С тяжелым чувством Феликс решил, что все равно этого не удалось бы избежать. Рано или поздно, но им с гномом все равно пришлось бы отплатить Блатдорфу за гостеприимство.

В отчаянии он все еще искал пути к спасению.

- Это надо обсудить, - сказал он. - Хозяин, принесите еще вашего прекрасного эля.

Крестьянин улыбнулся и отвинтил кран, чтобы наполнить кружки. Феликс заметил, что Готрек подозрительно поглядывает на него. Он понял, что не проявил достаточной прыти в этом деле. Хозяин вернулся и принес еще две кружки пива с радостной улыбкой.

- На дорожку, - сказал Феликс и поднял кружку. Он поспешно проглотил пиво, которое было на вкус еще более отвратительным, чем предыдущее. Может быть, дело именно во вкусе? Хотя он и не был уверен, но подумал, что есть в нем какая-то искусственная примесь. Как бы там ни было, но его мысли вновь вернулись к предстоящему походу. Он увидел, что Готрек уже выпил эль и заказал еще. Хозяин сбегал за ним, и Готрек вылил себе в рот очередную порцию. Его глаза расширились, в горле что-то заклокотало, и он упал, как сраженный секирой.

Феликсу понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что случилось; потом он подскочил к своему спутнику. Ноги были словно ватные, голова кружилась, и его жутко тошнило. Что-то было здесь не так, он это точно знал, но ничего не мог с этим поделать. Они что-то добавили в эль. Он никогда не видел, чтобы Победитель троллей падал вот так, сколько бы он ни выпил.

Да и сам Феликс никогда не чувствовал себя настолько мерзко даже после десяти кружек. Он оглянулся и посмотрел на хозяина – тот расплывался, как будто Феликс смотрел на него сквозь туман. Он указал на него пальцем.

– Ты отравитель. Я имею в виду выпил... Нет, я хочу сказать, ты выпил нашу отраву, – произнес Феликс и свалился на колени.

Хозяин произнес:

– Ну, благодарение Тзинчу за это! Я надеюсь, они уже не поднимутся. Столько усыпляющего корня и лошадь свалит.

Феликс потянулся за своим мечом, но его пальцы заоченели, и он провалился в темноту.

– Что ж, это принесет мне немного денег, – пробормотал хозяин. Его слова были последнее, что запомнил Феликс, прежде чем потерять сознание. – Я думаю, господин Крюгер хорошо мне заплатит за две такие славные особи.

– Очнись, человеческий отпрыск! – мощный голос гремел где-то над ухом Феликса. Он попытался не обратить на него внимания – вдруг голос заткнется и можно будет вернуться к своим сновидениям.

– Очнись! Или, клянусь, я доберусь до тебя и ударю вот этой самой цепью. – В голосе была такая угроза, что Феликс подумал, что ему не стоит пренебрегать. Он открыл глаза – и не поверил в то, что увидел.

Даже тусклый свет единственного факела, прикрепленного к потолку, был для него слишком ярким и нестерпимо жег ему глаза. Тем не менее он чувствовал себя неплохо, потому что сумел отдохнуть. Сердце гулко стучало в груди, как гонг, в который бьют боевым молотом. Голова болела, словно бы кто-то отрабатывал на ней удары. Во рту было очень сухо, а язык болел, как будто его терли наждачной бумагой.

– Это самое худшее похмелье в моей жизни, – пробормотал Феликс, облизывая губы.

– Это не похмелье. Мы были одур...

– Одурманены. Я знаю.

Внезапно Феликс понял, что он стоит. Его руки были подняты над головой и прикреплены чем-то тяжелым за запястья. Он попытался наклониться вперед и посмотреть, что там такое, но не смог шевельнуться. Он поглядел вверх и увидел, что прикован наручниками. Цепь была закреплена в огромном железном кольце высоко над ним. Он убедился в этом, пристально оглядев комнату и увидев, что Готрек находится в таком же положении.

Победитель троллей висел на своей цепи, как говядина в лавке мясника. Но его ноги не были закованы. Гном был слишком маленького роста и не доставал до пола. Феликс заметил, что в стене есть железные выступы на уровне лодыжки, но Победитель не мог до них дотянуться.

Ягер оглянулся вокруг. Это была огромная комната, вымощенная большими валунами. В ней было до дюжины цепей и наручников в стенах. Странно скорченный скелет висел в другом конце комнаты. У противоположной стены слева была лавка, уставленная склянками, горелками и прочим оборудованием для алхимических опытов. В центре комнаты была нарисована мелом пентаграмма, вокруг которой были начертаны непонятные иероглифы. На

каждом ее конце лежал череп животного, использовавшийся как светильник для огромной черной свечи.

Далеко справа несколько ступенек вело к тяжелой двери. В ней было окошко, через которое проникал свет, тускло освещавший мрачные углы комнаты. У самого начала лестницы Феликс увидел свой меч и секиру Готрека. У него появилась слабая надежда: кто бы ни отобрал их оружие, он оказался невнимательным. Феликс все еще чувствовал вес метательного ножа в потайных ножнах в рукаве. Он, конечно, не мог им воспользоваться, пока его руки не будут свободны от кандалов, но почувствовал себя лучше, когда понял, что нож не отобрали.

Воздух был тяжелым и спертый. Феликсу показалось, что откуда-то доносятся крики, пение и вой животных. Эти звуки были похожи на бездумную молитву и зверинец одновременно. Впрочем, Феликс не мог понять, что происходит.

- Почему хозяин опоил нас? - спросил он.

- Он состоит в сговоре с чародеем. Это очевидно.

- Или боится его. - Если бы Феликс мог, то он бы вздрогнул. - Это не важно. Меня интересует другое, почему мы еще живы?

Высокий дрожащий смех был ему ответом. Тяжелая дверь отворилась, и две фигуры заслонили свет из коридора. Сквозняк притушил на мгновение огонь, но потом лампы разгорелись с новой силой, и Феликс увидел того, кто смеялся этим дразнящим смехом.

- Хороший вопрос, Ягер, и я с удовольствием отвечу на него.

В этом голосе было что-то очень знакомое, подумал Феликс. Он был высоким, резким, очень неприятным... и Феликс уже слышал его раньше.

Пошарив глазами по комнате, Феликс обнаружил этого человека. Тот был столь же противным, как и его голос. Высокий, сухопарый, одетый в потертую серую робу с заплатками на локтях и запястьях. На тонкой шее болталась железная цепь с большим оберегом. Длинные тонкие пальцы унизаны покрытыми рунами золотыми кольцами, а ногти окрашены в черный цвет, бледное потное лицо обрамлено высоким стоячим воротником, на голове - шитая серебром ермолка.

Позади него стояло чудовищное существо - очень высокое, вполтину выше, чем человек, и раза в четыре тяжелее. Возможно, раньше это и был человек, но теперь он вырос до размеров людоеда. Волосы ниспадали клочьями, на черепе и теле бугрились отвратительные бородавки; все черты были словно бы перекручены и изуродованы. Зубы походили на жернова, а руки - даже более мускулистые, чем у Готрека, и толще, чем мог бы обхватить Феликс. Ладони чудовища были размером с тарелки, а его скрюченные, огромные пальцы могли бы камни крошить. Оно глядело на Феликса налитыми ненавистью глазами. Феликс не мог выдержать его взгляда и снова повернулся к человеку.

Лицо мужчины было сухим и морщинистым, светлосерые глаза блестели, полускрытые очками без дужек в стальной оправе. Нос был длинным, тонким и заканчивался отвратительной бородавкой; из него текли сопли. Человек хмыкнул, затолкал полоску слизи обратно в ноздри и вытер нос полый робы. Затем, с достоинством приосанившись и наклонив голову набок, он стал спускаться по ступеням. Однако его величавость слегка нарушилась, когда он наступил на полу своего одеяния и растянулся на полу.

Это было последним штрихом к всплывшему в памяти Феликса образу – теперь все встало на свои места.

– Альбрихт? – спросил он. – Альбрихт Крюгер?

– Не называй меня так! – голос человека сорвался на крик. – Обращайся ко мне "Мастер".

– Ты знаешь этого болвана, человеческий отпрыск? – удивился Готрек.

Феликс кивнул. Альбрихт Крюгер проучился какое-то время с ним на отделении философии в университете Альтдорфа, прежде чем его изгнали за дуэль. Тихий прилежный юноша, которого всегда можно было найти в библиотеке. Феликс, пожалуй, не обменялся с ним и десятком слов за те два года... вместе. Он только помнил, что Крюгер исчез. Еще тогда был большой скандал, связанный с пропажей книг из библиотеки. Феликс припомнил, что несколько охотников за ведьмами из храма Сигмара проявили тогда к этому делу живой интерес.

– Мы учились вместе в Альтдорфе.

– Довольно! – прокричал Крюгер тоненько и раздраженно. – Вы мои пленники и будете выполнять мою волю, чтобы сохранить свои жалкие жизни.

– Выполнять твою волю, чтобы сохранить свои жалкие жизни? – переспросил Феликс с удивлением. – Ты слишком начитался воспоминаний Детлефа Зирка, Альбрихт. Никто так не выражается в обыденной жизни.

– Замолкни, Ягер! Хватит. Ты всегда был чересчур умный, ты знаешь. А теперь посмотрим, кто умнее, о, да, посмотрим!

– Ладно, Альбрихт. Шутка есть шутка, ха – ха. Скорее освободи нас, пока не пришел твой хозяин.

– Мой хозяин? – Крюгер выглядел озадаченным.

– Чародей, владелец этой башни.

– Ты идиот, Ягер! Я ее владелец!

– Ты? – не поверил своим ушам Феликс.

– Да, я! Я изучал ритуалы Темных богов и получил источник волшебной силы. Я знаю все секреты Жизни и Смерти, я питаюсь мощью Хаоса и скоро буду настолько силен, что завладею всей Империей.

– Поверить не могу! – честно признался Феликс.

Тот Крюгер, которого он знал раньше, ничего из себя не представлял и на него никто не обращал внимания. Кто же знал тогда, какая жажда власти скрывается в его душе?

– Думай, что хочешь, ты, умненький Ягер, со своим правильным выговором и повадками вроде "мой-папа-богатый-купец-и-я-слишком-хорош-для-особ-вроде-вас"! Зато я овладел тайнами самой Жизни, управляю алхимическими тайнами гнилого камня и постиг секрет Трансмутации!

Краем глаза Феликс заметил, как напряглись мускулы Готрека, пытающегося растянуть свои

цепи. Лицо гнома покраснело, борода спуталась, тело изогнулось, а лодыжки старались достать до стены. Феликс не знал, чего хочет добиться этим Победитель. Эти цепи были слишком прочны для человека или гнома.

- Так ты используешь гнилой камень? - Это многое объясняло. Он знал не так уж и много о камне, но то немногое, что было ему известно, спокойствия не внушало. То была сама суть Хаоса, источник мутации. Даже маленькой щепотки этого камня достаточно, чтобы свести человека с ума. Но, судя по тону Крюгера, можно было предположить, что он употребил целую бочку. - Ты с ума сошел!

- Это мне и втолковывали тогда в Альтдорфе, в университете! - Слюна вскипала на губах Крюгера. Феликс вдруг заметил, как вспыхнули зеленым злым светом его глаза, словно болотные огни. Острые, как у вампира, клыки показались из-за его губ. - Но я покажу им всем. Я нашел запретные книги, раскрывшие мне глаза. Они говорили, что эти книги не предназначены для смертных, но я прочел их, и они не причинили мне вреда.

- Оно и видно, - насмешливо пробормотал Феликс.

- Ты думаешь, что ты умный, да, Ягер? Ты такой же, как все, все те, кто смеялся надо мной, когда я сказал, что стану величайшим магом после Теклиса. Что ж, я покажу, что ты не прав. Посмотрим, каким умным ты будешь, когда я изменю тебя, как изменил Оллека.

Он похлопал чудовище по плечу с отцовской гордостью. Оно ухмыльнулось, как собака, которой хозяин почесал брюхо. Феликс очень разволновался. Позади него Готрек уже почти уперся ногами в стену. Его руки напряглись, а цепи крепко держали, так что он повис параллельно полу. Победитель троллей посинел, его черты исказили ярость и гнев, и Феликс чувствовал, что они вот-вот вырвутся наружу. Либо цепи оборвутся, либо Победитель лопнет, как кровеносный сосуд. "Может, второе было бы и лучше", - подумал Феликс. Он не представлял, как гномсумеет справиться с чудовищем без своей секиры. Победитель троллей был очень силен, но чудовище скрутило бы его, как ребенка.

Крюгер поднял свой жезл. На его верхушке Феликс увидел зеленоватый шар гнилого камня, сжатого свинцовыми когтями. Феликс ничего не мог поделать, но увидел, что рука Крюгера, державшая жезл, покрыта чешуей, а его ногти стали похожи на когти дикого животного.

- Мне понадобились годы, чтобы усовершенствовать Заклинание Трансмутации, годы! - прошептал Крюгер. - Ты даже не представляешь, сколько опытов я проделал. Сотни! Я работал как одержимый, но в конце концов открыл тайну. Скоро и ты ее узнаешь. - Волшебник хихикнул. - Увы, это для тебя плохо кончится. Ты будешь таким глупым, что даже разучишься разговаривать. Зато ты станешь прекрасным товарищем для Оллека.

Переливающееся наверху жезла все приближалось к Феликсу, странный свет мерцал в глубине шара. Его поверхность, казалось, сверкала и переливалась всеми цветами радуги, как масло на поверхности воды. Ягер почти ощутил ужасную силу мутации, исходящую из гнилого камня - она выплескивалась оттуда, как жар от углей.

- Полагаю, просить о милосердии бесполезно? - презрительно спросил Феликс. Он гордился тем, что его голос не дрогнул.

Крюгер покачал головой.

- Уже слишком поздно. Скоро ты будешь еще большим олухом, чем сейчас.

- Тогда я должен сказать тебе одну вещь.

Мускулы Готрека окаменели, когда он предпринял последнюю сверхчеловеческую попытку прыгнуть, как делает ныряльщик, отрываясь от скал и летя в море.

- И что же это, Ягер? - Крюгер придвинулся ближе к нему.

- Ты никогда мне не нравился, тронутый! Чародей готов был его ударить жезлом, но вместо этого улыбнулся, обнажая острые зубы.

- Скоро, Ягер, ты познаешь всю природу сумасшествия. Каждый раз, заглядывая в зеркало, ты будешь вспоминать этот миг.

Крюгер запел на странном, журчащем наречии. Это был не эльфийский, а какой-то более древний и, пожалуй, более зловещий язык. Феликс уже слышал его раньше, когда они с Готреком были свидетелями шабаша поклонников Хаоса. Что ж, похоже, силы Тьмы хотят сыграть с ними свою последнюю злую шутку. Скоро они с гномом присоединятся к ним, хотя и против своей воли.

С каждым словом молитвы Крюгера гнилой камень сиял все ярче. Его зеленоватый свет разлился по всей комнате, из него начали выползать мерцающие щупальца. Поначалу это был просто туман, но постепенно он превращался во что-то более плотное, отвратительное и болезненное. Когда Крюгер встряхивал жезлом, это вещество оставляло за ним след, как хвост у кометы, наливаясь мощью с каждым волнообразным движением руки мага.

Теперь его пение напоминало вопли безумца. Испарина покрыла лоб поклонника Хаоса, поблескивая, как стекло. Оллек, Искаженный, подвывал в лад хозяину. Его густой рев был, очевидно, необходим для заклинания. Феликс почувствовал, как встали дыбом его волосы, когда пение прекратилось, и в башне воцарилась тишина.

Какое-то мгновение все было спокойно. У Феликса мутилось в глазах - так сильно он бы напуган жезлом Крюгера. Он слышал только стук собственного сердца да тяжелое сопение чародея, у которого перехватило дыхание в ходе ритуала. Раздались странный металлический треск и трение металла о камень. Феликс открыл глаза и увидел, что цепи гнома вырваны и болтаются под потолком, а сам Победитель троллей свалился вниз, приземлился на каменные плиты и разразился проклятиями.

Крюгер повернулся на звук. Чудовище открыло рот и грозно зарычало.

Феликс затаил дыхание. Он надеялся, что Готрек успеет добежать до лестницы и схватить секиру - тогда он смог бы противостоять твари. Но Победитель все еще висел на одной цепи, и все, что он сумел сделать, так это перекувыркнуться на ней, когда чудовище пыталось схватить его своими лапами.

Крюгер, казалось, понял то же самое.

- Взять! - выкрикнул он приказ чудовищу.

Оллек бросился вперед, и Готрек едва успел отскочить. Тяжелые металлические звенья хлестнули мутанта по глазам. Тот завопил от боли, закружился на месте и отскочил, врезавшись в Крюгера. Воспользовавшись передышкой, гном вырвал цепь из стены. Лицо мага побелело, он развернулся и помчался со всех ног к лестнице. Последнее, что видел Феликс, так это его дрожащие лопатки.

- Ну а теперь посмотрим! - произнес Готрек в ярости.

Внезапно чудовище прыгнуло вперед, выставив огромную руку. Готрек махнул цепью вперед и вниз, замотав ею руку мутанта. Но тот снова вырвался. Готрек одним быстрым взглядом смерил расстояние до секиры. Феликс почти прочитал его мысли: слишком далеко. Если гном сейчас развернется и побежит к двери, чудовище на длинных лапах настигнет его по пути.

Возможно, ему следует постепенно отступать. Но, как обычно, Феликс недооценил боевой настрой гнома: тот, и не думая пятиться, бросился вперед, взмахнул своей цепью и ударил ею чудовище в грудь. Потом вторая цепь хлестнула по искаженному лицу.

Но в этот раз Оллеке ожидал боли: он не отступил, а набросился на гнома и обхватил его медвежьей хваткой. Феликс вскрикнул, когда увидел, как все крепче сжимаются лапы мутанта, и испугался, что сейчас ребра Готрека треснут, как сухие прутья.

Готрек боднул Оллека головой в лицо. Послышался хруст переломанного носа, кровь хлынула и залила гнома. Завопив, Оллеке отшвырнул Готрека одним мощным ударом лапы. Готрек врезался в стену и рухнул на пол, звякнув цепями. Но в следующее мгновение Победитель троллей уже вскочил на ноги.

- Возьми секиру! - крикнул ему Феликс.

Но ошарашенный гном был не в состоянии последовать его совету. Кроме того, Готрек окончательно осатанел. Он кинулся на Оллека, который выл, щупая разбитый нос. Затем, услышав приближающиеся шаги гнома, он оглянулся и с воплем ярости и боли ринулся на него, наклонив голову и разведя руки, чтобы удушить Победителя в своих смертельных объятиях. Готрек стоял, покачиваясь, как повозка на ухабах. Феликс отвернулся, чтобы не видеть, как огромный мутант затопчет гнома своими слоновьими ногами. Но страх заставил его посмотреть.

Оллеке почти что настиг гном, но тот в последнюю минуту наклонился и, проскочив у чудовища между ног, развернулся и замахнулся цепью. Удар пришелся прямо по голени. Готрек дернул цепь, Оллеке упал и покатился, оплетенный цепью, как змеей.

Готрек накинул петлю из цепи ему на горло, но Оллеке уже вскочил на ноги, потянув за собой гнома. Вес Готрека только усилил давление на цепь вокруг шеи чудовища. Стараясь удержать равновесие, Готрек подтянулся вверх, продолжая наматывать цепь. Плоть вокруг впившихся в тело звеньев побелела, петля сдавила дыхательные пути. Феликс увидел, что Готрек собирается удушить чудовище.

Медленно, с трудом, мутант тоже осознал замысел гнома и постарался обеими руками содрать с себя удушающий ошейник. Он тянул за цепь, стараясь запустить под нее пальцы, но они были слишком толстыми, а цепь затянулась слишком туго. Тогда он попытался сбросить Готрека, но тот вовремя уклонился от удара и спрыгнул вниз. Он тянул цепь вперед и назад, как пилу. Феликс увидел, как под железом набухли кровавые рубцы.

Оллеке вцепился в волосы Готрека, но лишь несколько мгновений сумел удерживать их, а потом пальцы чудовища заскользили по намазанной медвежьим жиром гриве Победителя. Феликс увидел страх и отчаяние в глазах чудовища. Он ослабел и запаниковал, мечась от одной стены к другой и неистово швыряя Готрека на камни. Но ничто не могло разжать руки гнома - даже смерть, как внезапно подумал Феликс, увидев остекленевшие глаза Победителя троллей, и его рот, ощеренный в жуткой ухмылке.

Постепенно Оллек совсем ослаб, и силы покинули его. Он упал на четвереньки. Удушающий кашель вырвался из его глотки, он опустился на пол и затих. Готрек затянул ошейник в последний раз, чтобы удостовериться, что все кончено, затем встал, потирая руки.

- Легко, - пробормотал он. - Где моя достойная смерть?

- Сними меня отсюда, - попросил Феликс.

Готрек подобрал секиру. После четырех мощных ударов Феликс был свободен. Он побежал к лестнице и схватил меч. Сверху послышался звук снимаемого засова, затем скрип железных дверей и крики кроважадной толпы. Феликс с Готреком едва успели принять боевую стойку, когда дверь распахнулась и в комнату ввалилась толпа мутантов. Феликсу показалось, что он узнал кое-кого из участников вчерашнего боя. Так вот откуда они появлялись в лесу.

Один из них вынырнул снизу, его змеиные глаза кроважно блестели. Феликс оборвал жизнь мерзкой твари, выставив клинок против ее груди. Затем он с усилием потащил меч назад - тело буквально соскользнуло по лезвию. Мутанты все прибывали, гонимые жаждой крови и наступавшими им на пятки новыми уродами. Оказавшись в средоточии их злобной дикости, Феликс спина к спине с Победителем троллей рубился с исчадиями Хаоса.

Готрек извергал проклятия, выписывая в воздухе восьмерки окровавленным лезвием секиры. Никто не мог встать у него на пути. Цепи все еще болтались у него на запястьях, но он яростно прорубал кровавый путь в воющем скопище чудищ. Феликс тоже не отставал, разбрасывая нападающих направо и налево и прикончив пятерых тварей, сумевших уклониться от секиры гнома.

Где-то наверху Феликс увидел Крюгера. Чародей снова воздел свой жезл. Зеленые блики играли на его лице, озаряя все вокруг адским сиянием. Крюгер пропел заклинание, и внезапно голубовато-зеленая молния вырвалась из жезла. Она устремилась вниз, в Феликса...

Но мутанту, стоявшему прямо перед Ягером, не повезло. Его мех загорелся, а глаза вылезли из орбит. Он весь затрясся, пораженный огромной силой заклинания чародея, и рухнул на землю обгорелый, почерневший, разорванный пополам. Феликс метнулся в сторону, уклоняясь от второго разряда. Готрек неумолимо прорывался вперед, разбрасывая мутантов на пути к лестнице.

Молния хлестнула вновь - на этот раз по Готреку. Ему не так повезло, как Феликсу - зеленая стрела ударила гнома в голову. Ягеру показалось, что Победитель троллей обрел наконец долгожданную гибель. Но хохол гнома вздыбился еще выше обычного, руны на его секире вспыхнули пунцовым светом. Он выкрикнул, наверное, самое жуткое проклятие на родном языке - и случилась странная вещь. Зеленый блеск миновал тело гнома, переметнулся на цепи, все еще свисавшие с запястий, добежал до их конца и снопом искр ушел в землю, не причинив никакого вреда.

Феликс почти вслух расхохотался. Он и раньше слышал о подобных вещах на отделении натурфилософии. Это называлось «заземлением»: то же, что притягивает молнию к железному шесту, отвело зеленую стрелу по металлическим цепям в землю и спасло Готрека. Феликс размышлял над этим несколько секунд, а потом вытащил потайной нож из рукава и метнул его в Крюгера.

Это был хороший бросок. Метко и верно нацеленный нож беспрепятственно вошел прямо в грудь чародею. Он торчал там, раскачиваясь, пока Крюгер не прервал пение и не опустил глаза, чтобы понять, что же случилось. Потом волшебник выронил жезл и схватился за рану.

Зеленая кровь вырывалась, из нее, струясь меж пальцами чародея. Он с ненавистью поглядел вниз на Феликса и, шатаясь, отступил в коридор.

Феликс повернулся обратно к схватке, но все было уже кончено. Мелкие мутанты не устояли против секиры. Победоносный Готрек весь был покрыт кровью и слизью. Руны на секире медленно гасли. Медвежий жир блестел на спутанных волосах.

Феликс взлетел вверх по лестнице и помчался по коридорам. Дорожка зеленой крови вела к выходу, мимо сотен открытых пустых клеток. Феликс понял, что именно оттуда выпустили мутантов, созданных опытами Крюгера.

– Давай освободим детей и уйдем отсюда, – сказал Феликс.

– Я хочу вырезать чашу из черепа этого чародея! – плюнул Готрек.

Феликс вздрогнул:

– Ты это серьезно?

– Да нет, для красного словца, человеческий отпрыск... Но, взглянув в лицо Готрека, Феликс ему не совсем поверил.

Они пробирались вниз по коридору к своей цели. Мысль о спасении детей согревала Феликса: наконец-то они с Готреком смогут сделать что-то хорошее и вернуть малышей их родителям. Впервые они вели себя как истинные герои. Феликс уже видел залитые слезами лица счастливых матерей и отцов, когда они увидят своих отпрысков.

Звон цепей Готрека начал действовать Феликсу на нервы. Они повернули в очередной проход и подошли к двери, которую Готрек одним ударом секиры снес с петель. Они вошли в комнату, которая когда-то была мастерской Крюгера.

Огромная серебристая луна светила сквозь единственное окно.

На стол навалилось изуродованное Хаосом тело чародея, зеленая кровь залила страницы огромного фолианта в кожаном переплете, но руки все еще слабо шевелились, словно он еще пытался сотворить защитное заклинание.

Феликс схватил мага за волосы и задрал ему голову. Он поглядел прямо в угасающие глаза Крюгера, чувствуя дикое торжество.

– Где заложники?

– Какие заложники?

– Дети поселян! – рявкнул Феликс.

– Ты имеешь в виду опытный материал?

Ужас холодом пробежал по жилам Ягера – он все понял. Его губы едва разжались, чтобы задать последний вопрос:

– Так это с ними ты ставил опыты? Крюгер криво улыбнулся.

– Да, их проще изменить, чем взрослых. И они быстрее вырастают до нужных размеров. Они

должны были стать моей армией... но вы всех перебили.

- Мы всех... перебили... - Феликс не мог пошевелинуться. Его видения радостных жителей деревни растаяли. Он поглядел на кровь, покрывавшую его руки и одежду.

Внезапно слепая ярость, горячая, как пламя ада, охватила Феликса. Этот маньяк превратил детей в мутантов, а он, Феликс Ягер, приложил руку к их убийству. Значит, он столь же виновен, как и Крюгер. Поразмыслив, он поволок чародея к окну. Оно выходило на спящую деревню с высоты отвесной скалы в сотню сажень.

Он дал Крюгеру время, чтобы понять, что сейчас произойдет, и швырнул его сквозь добрую прочную раму. Она разлетелась, и чародей рухнул вниз в холодном ночном воздухе с распростертыми, как крылья, руками. Эхо повторило его крик несколько раз, прежде чем он затих навсегда.

Победитель троллей смотрел на Феликса с явным одобрением.

- Очень хорошо, человеческий отпрыск. А теперь пойдем к трактирщику. У меня с ним счеты.

- Но сперва подожжем замок, - мрачно произнес Феликс. Он ушел не раньше, чем превратил это проклятое место в большой погребальный костер.

<http://tl.rulate.ru/book/2486/46941>